

Е.Н. ПАНОВ

Когнитивная революция: собака как модель когнитивной эволюции человека разумного

По мере интенсификации «когнитивной революции» ее адепты продолжают одаривать нас все новыми и новыми откровениями. На этот раз в центре внимания одной из их групп оказалась домашняя собака. Инициатором идеи стал специалист по поведению собак В. Цсани из отделения этологии Будапештского университета. Он выступил с «программной» статьей, задачу которой видел в том, чтобы продемонстрировать уникальность поведения человека. Автор пишет, что общей слабостью предыдущих гипотез становления *Homo sapiens* было то, что все их авторы произвольно выставляли напоказ только некоторые особенности (traits) поведения, которые отличают нас от животных, такие, в частности, как язык и использование орудий. На самом же деле, — пишет он, «существует множество такого рода свойств, которые взаимодействуют между собой и дополняют друг друга, выступая в качестве интегрированной структуры (integrated framework)».

Автор приводит перечень из 18 «признаков», специфичных, как он полагает, для поведения человека, помещая их в следующие три рубрики: «социальные, связанные с групповым способом жизни», «поведенческие механизмы синхронизации активности в группах» и «конструктивные способности» (абстрагирование, изготовление и использование орудий, подражание и язык). Можно было бы исписывать страницу за страницей, чтобы показать всю неуклюжесть как самой этой классификации, так и очевидную спорность отнесения множества признаков к числу уникальных для человека. К таковым, в частности, не относятся почти все те, которые помещены в категории 1 и 2.

Итогом построений автора оказываются два «новшества». Во-первых, понятие «комплекс поведения человека» (human behavior-complex), в котором подчеркивается факт (совершенно тривиальный) взаимосвязи и взаимозависимости всех без исключения особенностей психологии и социального поведения людей. Вторая находка В. Цсани сформулирована им следующим образом: «Коммуникация людей есть как продукт, так и движущий стимул (initiator) эволюции человека». В общем, «гора родила мышь», иначе не скажешь.

Поистине ошеломляющей выглядит наивность неопита, который для себя и для других «открывает Америку» на рубеже XX и XXI столетий, после того как о феномене поведения человека были написаны сотни томов мыслителями, работавшими в сфере философии, социологии, социальной антропологии, социальной психологии и множества других дисциплин, занятых проблемой своеобразия *Homo sapiens* и его места в мироздании. Игнорируя все это, что автор цитирую самого себя, высказывая старые как мир идеи. Например, такую: «с помощью конструктивных способностей человек создает модели окружающего мира и группы, к которой он принадлежит, а также оперирует этими моделями и анализирует их (Csányi, 1992a, 1992b)»

О степени новизны декларации В. Цсани по поводу ведущей роли коммуникации в эволюции человека можно судить, обратившись хотя бы к словам Иоганна Готфрида Гердера, относящимся ко второй половине XVIII века. «Лишь язык превратил чело-

века в человека... — писал он, — Чудовищный поток аффектов язык сдержал дамбами и поставил им разумные памятники в словах. Лишь благодаря языку стала возможна история человечества с передаваемыми по наследству представлениями сердца и души. И теперь встают перед моим взором герои Гомера, я слышу жалобы Оссиана, хотя тень певца и тени героев давно уже исчезли с лица Земли... Все, что думали мудрецы давних времен, что когда-либо измыслил дух человеческий, доносит до меня язык. Благодаря языку мыслящая душа моя связана с душой первого, а может быть, и последнего человека на Земле; короче говоря, язык — это печать нашего разума, благодаря которой разум обретает видимый облик и передается из поколения в поколение» (Гердер, [1784-1891] 1977. Курир мой — Е.П.).

В 2000 году, когда В. Цсани одарил научное сообщество своим прозрением, еще не было известно, во что оно выльется дальше. Но вот 7 лет спустя он снова выступает в соавторстве с двумя другими своими коллегами со статьей под названием «Большие мысли в маленьком мозге? Собака как модель для понимания социальных когнитивных способностей человека (social cognition)».

В ней, наряду с ранее предложенной формулой «комплекс поведения человека» фигурирует теперь еще одна: «комплекс поведения собаки». Вот как она встраивается в новую интригу, предлагаемую нам авторами. «Ключевое различие между современным (принадлежащим авторам статьи — Е.П.) и прочими подходами к моделированию социальной эволюции человека состоит в предположении, что существует широкое перекрытие между комплексами поведения человека и собаки, поскольку в ходе своей эволюции рядом с людьми у собак сформировались функционально сходные социальные навыки (social skills)».

В результате, как полагают авторы, собака стала одним из наиболее успешных видов млекопитающих. В статье это лишь одна из множества сомнительных трактовок, касающихся эволюционных аспектов обсуждаемой в ней темы. Другая состоит в том, что человек и собака — это «типичный случай конвергентной эволюции» (Miklósi et al., 2004: 467). Раньше, когда члены научного сообщества были более осмотрительными в использовании терминологии, и не каждый из них, получив PhD степень по биологии, считал себя вправе выступать знатоком эволюционной теории, этот случай рассматривался не иначе, как иллюстрация **искусственного отбора**. Теперь же позволительно, ради красного словца, глубокомысленно использовать вместо этого устоявшегося термина совершенно не подходящий к случаю. Это один из способов выдавать азбучные истины за что-то принципиально новое — манера, весьма характерная для адептов «когнитивной революции» с их полным пренебрежением ко всему, что было сделано в науке до их прихода в нее.

Авторы статьи пишут: из сказанного следует, «... что собака выступает как дополнительная модель эволюции социального поведения людей, в противовес (in contrast to) предпочитаемых до этого — либо в силу методологического их удобства (грызуны), или потому что модель основывалась на тесной (close) эволюционной гомологии (например, обезьяны вообще и человекообразные, в частности), что обеспечивало научную основу для сравнительных исследований» (там же: 467).

Кажется, с обезьянами все понятно. Но, спросит читатель, при чем здесь грызуны? На с. 469, под рубрикой «Социальная привязанность» (attachment) значительное место уделено сравнению полового и родительского поведения у двух видов полевок (прерийной *Microtus ochrogaster* и горной *M. montanus*). Первому из них свойственна моногамия и пребывание молодняка в одном гнезде с родителями на протяжении нескольких недель — до достижения им половозрелости. Второй вид практикует промискуитет, а мо-

лодые особи рано отделяются от самки. Далее приводятся данные экспериментов, которые показали параллель этих различий с теми, которые наблюдаются у этих видов в сфере нейрохимии и ее взаимоотношениях с генетикой мозговой деятельности. Ничто не указывает на какую-либо причинно-следственную функциональную связь между этими событиями на микроуровне и поведенческими особенностями сравниваемых видов. Тем не менее, авторы пишут: «Все это свидетельствует о том, что небольшие изменения на нейрогенетическом уровне могут приводить к заметным преобразованиям в поведении» (Miklosi et al., 2007: 469; курсив мой — Е.П.).

Дальнейшие рассуждения сводятся к следующему. «Принимая во внимание хорошо известную консервативную природу аффилиативных систем в ходе эволюции, можно говорить о потенциальном сходстве полевок и человека. С этой точки зрения могло бы быть полезным изучить (investigate) «промежуточную» поведенческую модель, которую нам предоставляет собака». От этого маловразумительного пассажа авторы без остановки переходят к вопросу о различиях в поведении собак и волков. «Волков считают моногамными, — пишут они, — а это говорит о том, что нейроэндокринологическая основа социального поведения этого вида может быть организована на тех же самых принципах (along the same principles), что и у прерийной полевки» (там же: 469). Все эти сопоставления выстроены, как выясняется в конце абзаца, для того, чтобы показать, что система привязанности собаки к человеку имеет под собой генетическую основу.

Перед нами еще одна характерная особенность того, как трактуется сравнительный подход в рамках «современной» парадигмы. Если моногамия свойственна полевке, волку и человеку, то кажется позволительным рассматривать это качество как некую самостоятельную сущность, в отрыве от всех остальных свойств сравниваемых видов. В данном случае, — явным образом вопреки основной позиции авторов, выдвинувших и эксплуатирующих понятия «комплекс поведения человека» и «комплекс поведения собаки» как некие системные образования, в которых каждая черта должна быть связана множеством пересекающихся зависимостей со всеми прочими. Уже одно лишь это противоречие указывает на очевидную методологическую незрелость и предлагаемых ими построений. А приравнивание, хоть и на «потенциальном» уровне, социально-го поведения у человека и у полевок говорит об их явной абиологичности.

Дальше в статье справедливо говорится о том, что собаки в процессе их доместикации выработали высокую способность к невербальной коммуникации с людьми. Они откликаются на тончайшие изменения в движениях хозяина и в направлении его взгляда, существенно превосходя в этом отношении волков, выращенных в домашних условиях. В качестве искусного отправителя такого рода сигналов собака может выступать и в роли инициатора взаимодействия с людьми. Все это верно, но совершенно не ново. Едва ли здесь есть основания педалировать предположение, согласно которому «существуют мозговые механизмы, общие для собаки и человека» (там же: 469). Очевидно, это верно лишь настолько, насколько общими такие механизмы являются для всех высших млекопитающих, особенно подвергшихся одомашниванию. И уж, конечно, едва ли стоит считать, что в той теме, которая занимает авторов, собака может служить более перспективным объектом исследований, чем шимпанзе (на что они неоднократно намекают).

Беспорно, собака представляет собой чрезвычайно интересный объект для изучения тех возможностей, которые были достигнуты на ниве искусственного отбора. Вспом-

ним, хотя бы, породу далматинцев, у которой выработали генетически детерминированную повадку бежать за каретами и даже между колесами экипажа.

Но все это, на мой взгляд, едва ли дает почву для последующих выводов поистине глобального характера. «Сложность КПС¹, выявленная к настоящему времени (ссылки, в том числе на: Miklósi et al., 2004), свидетельствует о том, что подобные человеческому (human-like) комплекс социального поведения и взаимодействия на групповом уровне возможны даже в отсутствии лингвистических способностей. С эволюционной точки зрения, это говорит о том, что в группах ранних гоминид (early human groups) их члены могли вступать в кооперативные отношения друг с другом, даже если у них не было преимуществ владения языком. Таким образом, КПС моделирует раннюю стадию эволюции гоминид, когда они (в тексте — people) вырабатывали набор социальных умений (skills), способных обеспечить основу для сложных взаимодействий».

Здесь почти все не ново, а что ново — то абсолютно неверно. Никаких сомнений не может вызывать тот самоочевидный факт, что еще до приобретения языка члены группы ранних гоминид не могли не быть вовлечены в рациональную кооперативную деятельность. Не будь этого, не было бы сегодня и нас с вами, как, разумеется, не было бы и самого языка. Кроме того, способностью к адекватной кооперации обладают, в большей или меньшей степени, самые разные виды животных — от социальных насекомых до ряда видов псовых (наиболее яркий пример — гиеновые собаки).

И, в свете только что сказанного, уже полным трюизмом звучит следующее категорическое утверждение: «Главное (crucially) в проведенном анализе означает (suggests), что язык не был предпосылкой сложных кооперативных взаимодействий у ранних людей» (там же: 468). Да, не был, поскольку такие взаимодействия были естественной нормой в поддержании жизни этих созданий задолго до приобретения ими языка! А разве кто-то думал иначе?

Создается впечатление, что восторг авторов от этого «научного озарения» затмил у них способность адекватно оценивать качество своих теоретических построений. Было бы больше пользы, если бы, спустившись с небес, они отдались бы в полную силу эмпирическому анализу поведения собак, в соответствии с конкретными задачами отделения этологии Будапештского университета.

Литература

- Гердер. И.Г. [1784] 1977. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука. 703 с.
- Csányi V. 2000. The «human behaviour complex» and the compulsion of communication: key factors of human evolution. *Semiotica*; 128:45—60.
- Miklósi A., Topál J., Csányi V. 2004. Comparative social cognition: what can dogs teach us? *Anim Behav.* 67: 995—1004.
- Miklósi A., Topál J., Csányi V. 2007. Big thoughts in small brains? Dogs as a model for understanding human social cognition. *Cognitive Neuroscience and Neuropsychology* 18(5): 467-471.

¹ В тексте — DBC (dog behavior complex).